

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЛУНДИНА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА

ИМЕННЫЕ КАТЕГОРИИ В КАЛИНИНСКИХ ГОВОРАХ
КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

ИС.02.07 - Финно-угорские языки

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тарту - 1977

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор К.Е.МАЙТИНСКАЯ

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
А.Ю.КУННАП
кандидат филологических наук
А.Х.Лаанест

Ведущее учреждение - Петрозаводский государствен-
ный университет им. О.В.Куусинена, кафедра финского
языка.

Защита состоится "13" декабря 1977 г.
в 15 ч. на заседании Специализированного совета
Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора
наук в Тартуском государственном университете
(Эстонская ССР, 202400, г.Тарту, ул. Вилкооми 18, глав-
ное здание университета).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной биб-
лиотеке Тартуского государственного университета.

Автореферат разослан " " 17 мая 1977 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета

Х.К.Рятсел

Диссертация представляет собой исследование категории числа, лично-притяжательности, падежа и степеней сравнения имени в калининских говорах карельского языка. Работа актуальна по проблематике и восполняет пробел в исследовании именных категорий названных говоров, поскольку ранее по этому вопросу имелись лишь отдельные статьи и краткие сведения в двух очерках общего характера ^I, системное же описание именных категорий дает возможность проследить черты сходства и расхождения всех трех говоров калининских карел, определить их место среди других диалектов и говоров карельского языка.

Современное состояние бесписьменных языков, в том числе ряда прибалтийско-финских, к которым относится и карельский язык, ставит неотложные задачи по их фиксации и исследованию. Поэтому изучение морфологии имени в калининских говорах, основной материал по которым собран самим автором, повышает актуальность и научную значимость работы.

В целом работу можно охарактеризовать как сопоставительно-описательную, при анализе языковых фактов широко привлекаются данные диалектов и говоров карельского и других прибалтийско-финских языков; содержатся в ней сведения по происхождению и развитию оформителей именных категорий, освещаются теоретические вопросы, связанные с развитием и функционированием этих категорий.

Научные выводы обоснованы на собранном и классифицированном автором обширном диалектологическом материале.

Содержащийся в диссертации материал, его анализ, проведенный автором, и выводы могут практически использоваться специалистами, занимающимися карельским,

^I См. стр. 5 об изученности проблемы.

а также другими прибалтийско-финскими языками, поскольку в научный оборот многие из материалов с их анализом введены впервые.

Целью исследования является следующее:

1. кратко изложить историю происхождения оформителей именных категорий (числа, лично-притяжательности, падежа и степеней сравнения);

2. показать функционирование этих оформителей и их применение в именной сфере говоров;

3. проследить значения имени, которые возникают с употреблением того или иного суффикса;

4. кратко описать синтаксические, аналитико-синтаксические и другие способы выражения именных категорий по калининским говорам.

Основные положения диссертации опубликованы в статьях: "К употреблению показателей множественного числа в калининских говорах карельского языка" (Вопросы финно-угроведения. Вып. VI. Саранск, 1975), "Партиципий в карельском языке" (ж. "Советское финно-угроведение" I. 1976), "Группы слов в связи с их употреблением в форме множественного числа" (сб. "Прибалтийско-финское языковедение". Вып. VI, Л. в печати), излагались в тезисах "К выражению сравнения в карельском языке" (Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов и сообщений на XV Всесоюзной конференции по финно-угроведению. Петрозаводск, 1974), кроме того, публиковались образцы речи зубцовского говора (сб. "Прибалтийско-финское языковедение". Вып. V, Л., 1971).

Выполненная работа позволяет сделать выводы о следующих основных чертах именного словоизменения калининских говоров, сгруппированных по изучаемым разделам:

В употреблении показателей множественного числа -1, -1oi | -1ei по говорам выявляются расхождения, связанные с разной степенью их применения. Наиболее

своеобразны данные зубцовского говора, для которого характерно особенно интенсивное применение показателя -loi | -l3i и наблюдаются случаи плеоназма в применении показателей множественного числа -i, -loi|-l3i.

Анализ состава и применения лично-притяжательных суффиксов показывает, что их употребление по говорам значительно уже, чем, например, по северно-карельским говорам того же диалекта и еще более локально, чем в финском языке. Говоры имеют тенденцию к передаче значения притяжательности, принадлежности не морфологическими средствами, а чаще всего аналитически.

В падежной системе говоров выделяются падежи, входящие в систему падежей прибалтийско-финского языка - основы. Хотя неравномерно по говорам, но представлены в них древняя форма комитатива на -peh и инструктив. Для говоров характерно функционирование так называемых послеложных падежей, наиболее специфичны они для зубцовского говора. Падежеобразные формы - пролатив и компаратив присущи тодмачевскому и весьегонскому говорам.

По образованию сравнительной степени имен калининские говоры сходны с остальными диалектами и говорами карельского языка. Превосходная степень имен прилагательных и наречий, как и в финском языке, в отличие от остальных прибалтийско-финских языков оформляется особым морфологическим показателем. Значение превосходной степени передается также аналитически, что представляет характерную черту зубцовского говора.

Применение экватива и умеренных, рассматриваемых в главе "Категория степеней сравнения", в говорах довольно продуктивно, но причислять названные образования к степеням сравнения было бы неверно.

Исследованные диалектные материалы позволяют сделать вывод, что из изученных нами говоров особое место занимает зубцовский, характеризующийся рядом инди-

видуальных черт.

Диссертация изложена на 193 страницах машинописного текста, состоит из предисловия, введения, четырех глав и заключения. Прилагается список использованных источников и литературы.

Х

Х

Х

Часть карельского народа с территории Приладожья и Карельского перешейка в первой половине XVII века после заключения Столбовского мира (1617 г.) переселилась в глубь Русского государства. Та группа карел, которая поселилась в верховьях реки Волги и на Бежцком Верху, получила название верхневолжских (т.е. тверских, или калининских).

По современному административному делению карелы в Калининской области населяют полностью или частично 9 районов. Наиболее компактные массы карельского населения приходятся на Лихославльский, Спировский, Максатихинский и Рамешковский районы области. Вторая группа карельских деревень находится в Весьегонском и Сандовском районах. Третья группа карел, которая в научной литературе известна под названием "зубцовские", или "держинские" карелы, проживает среди русского населения в районе Погорелого Городища.

По данным Всесоюзной переписи 1970 г. в пределах РСФСР проживает 146 тыс. карел, из них 38,1 тыс. — на территории Калининской области.

Говоры калининских карел относятся к собственно карельскому диалекту карельского языка и в научной литературе подразделяются на тодмачевский, весьегонский и зубцовский. В языковом отношении к калининским карелам наиболее близки валдайские карелы Новгородской области и тихвинские — Ленинградской области, а также паданские и ухтинские карелы Карельской АССР, говоры которых относятся также к собственно карельскому диалекту.

Вопросы переселения, отдельные этнографические стороны жизни карел, поселившихся в Верхневолжье, нашли освещение в ряде исторических и этнографических исследований дореволюционного и советского периодов.

В конце прошлого и начале этого века лингвистический и фольклорный материал у тверских карел собирали финляндские исследователи (В.Аава, К.Карьялайнен, Й.Куйола).

За последние 10-15 лет сбор материала среди калининских карел был особенно интенсивным. Успешно проходили экспедиции сотрудников сектора языкознания Института ЯИИ Карельского филиала АН СССР, со студентами Тартуского университета неоднократно записывала материал у зубцовских карел П.Пальмеос, у толмачевских карел производил свои записи проф. Хельсинкского университета П.Виртаранта.

Именные категории калининских говоров не являлись предметом специального исследования. Некоторые вопросы по данной теме освещены в отдельных работах А.А.Белякова, Г.Н.Макарова, П.Пальмеос, А.Лаанеста I.

I А.А.Беляков, Морфологическая система собственно-карельского диалекта (калининское наречие). - Труды Карельского филиала АН СССР, выпуск I, серия лингвистическая. Петрозаводск, 1954; А.А.Беляков, Окончание партитива в карельском языке карел Калининской области. - Вопросы финноугорского языкознания. - Грамматика и лексикология. Москва - Ленинград, 1964; Г.Н.Макаров, Карельский язык. - Языки народов СССР II. Финноугорские и самодийские языки. Москва, 1966; Paimo, P. Hilistekkinud käändet karjala Djozja murrakus. - Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja 72. Helsinki. 1973; А.Лаанест, Прибалтийско-финские языки. - Основы финно-угорского языкознания. (Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки). Москва, 1975.

Отсутствием монографического описания именных категорий в говорах калининских карел и малой изученностью даже отдельных явлений в этой области продиктована тема реферируемой диссертации.

Основной языковой материал по всем говорам (по зубцовскому говору полностью) был собран автором диссертации в полевых условиях во время командировок с 1966 года по 1973 год. В качестве иллюстративного материала использовались также тексты сборника Г.Н. Макарова "Образцы карельской речи" (калининские говоры). (М.-Л., 1963) и расписывались примеры из сборников по прибалтийско-финским языкам и карельскому языку, собранных по тверским говорам финляндскими исследователями.

При расшифровке авторских магнитофонных записей использовалась финно-угорская фонематическая транскрипция в полугрубом варианте.

Глава первая. Категория числа. Е д и н с т в е н н о е ч и с л о. Для карельского языка, как для прибалтийско-финских и большинства финно-угорских языков, характерна двучленная система противопоставления форм числа. Форма единственного числа в карельском языке не маркирована, т.е. не имеет показателя ни в номинативе, ни в косвенных падежах.

Имена по их употреблению в единственном числе можно подразделить следующим образом: 1) имена, употребляемые как в форме единственного, так и множественного числа; 2) имена, употребляемые только в форме единственного числа; 3) имена, употребляемые преимущественно, или в определенных значениях, в форме единственного числа.

М н о ж е с т в е н н о е ч и с л о. Для прибалтийско-финских языков характерно употребление в системе косвенных падежей показателя $-i$, для всех карельских диалектов специфическим оформителем катего-

рии множественного числа является суффикс -loj|-löl. Признаком множественного числа в номинативе является суффикс -t.

Вопросов применения показателей множественного числа в карельских диалектах касались А.Генетц, Э.Ахтия, Д.В.Бубрих, А.А.Беляков, Г.Н.Макаров, П.Пальмеос.

Показатель множественного числа -t. Показатель множественного числа -t возводится к протоуральскому периоду.

Показатель множественного числа -t в калининских говорах карельского языка, как и в других прибалтийско-финских языках, присоединяется к гласной основе имен в номинативе множественного числа. Далее в работе рассматриваются закономерности использования показателя -t в зависимости от основ имени.

В подавляющем большинстве случаев форма единственного числа имен противопоставляется форме множественного числа по принципу количества, счета предметов. Однако в калининских говорах, как и в других говорах и диалектах карельского языка, можно выделить группы имен существительных, где единственное число противопоставляется множественному по возможности измерения объема, массы предметов, веществ: voi 'масло', voi-t 'масло все'; jötki 'деготь', jötkit 'деготь весь' и т.д.

Присоединение показателя -t личным именам существительным придает значение собирательности; в таком случае они могут обозначать членов одной семьи или родственников: kuilut 'Кулевы', Balkovat 'Балковы' и т.д.

Показатель -t может менять не только грамматическую форму, но и лексическое значение слова: rawda 'железо', rawvat 'удила'; kivi 'камень', kivet 'жернова'; kurgit 'журавль', kurret 'цыпки' и т.д.

Суффиксом -t оформлены во всех говорах имена су-

ществительные, не употребляемые или редко употребляемые в форме единственного числа. В работе выделяются четыре группы подсобных имен.

Показатель множественного числа *-i*. Признак множественного числа *-i* получил большое распространение в прибалтийско-финских и саамском языках, выступая в косвенных падежах. Широко он употребляется и в рассматриваемых нами говорах, где представлен во всех косвенных падежах, кроме генитива.

Показатель *-i* присоединяется к следующим именам:

а) к двусложным с основой на *a, ä*: *T pada* 'горшок', *pačoissa* 'в горшках', *kana* 'курица', *kanoilla* 'у кур'; *3 küi* 'деревня', *küiissä* 'в деревнях', *kulm* 'бровь', *kulmill* 'на бровях';

б) к двусложным именам с основой на *e*: *lapsi* 'ребенок', *lapse-*, *lapsilla* 'детям'; *naine* 'женщина', *naize-*, *naizinke* 'с женщинами'. Однако большая часть имен с данной основой принимает показатель *-loi|-löi*;

в) к двусложным именам с основой на *ua, uo, üö*: *kiuua* 'печь', *kiuuaissa* 'в печах', *katüt* 'долька', *kätük-*, *kätükzie* 'дольек', *olut* 'пиво', *oluo-*, *oluzie* 'пива';

г) к двусложным именам с основой на *ia, iä, k* которым иногда вместо *-i* присоединяется показатель *-loi|-löi*: *keviä* 'весна', *keviälöillä* и *keviällä* 'веснами';

д) к двусложным именам с основой на *ie*: *kabie* 'копыто', *kabeissa* 'в копытах', *late* 'под', *lattie-*, *lattieida* 'полов'; по зубцовскому говору часть имен данной группы имеет показатель *-loi|-löi*;

е) к трехсложным именам с основами на *a, ä*: *T haaara* 'обух', *haaaroilla* 'обухами', *kavala* 'лапа', *kävälöillä* 'лапами'; *3 ikkun^a* 'окно', *ikkunoill* 'на окнах', *värtin^a* 'веретено', *värti-*

näist 'с веретен';

ж) к некоторым трехсложным именам, у которых основа не совпадает с основой номинатива (в отличие от предыдущего случая): pereh 'семья', perehe-, perehissä 'в семьях', ruoraa 'груда камней', ruoraha-, ruorahissa 'в кучах камней'; 3 lammas 'овца', lamb^aha-, lamb^ahill 'у овец', kuhlas 'суслон', kuhlana-, kuhlissä 'в суслонах'.

Присоединение показателя множественного числа -i к имени в основе последнего вызывает некоторые звуковые изменения:

а) При наличии е или лабиального гласного в первом слове в двусложных именах выпадает конечная гласная а, а: meśsa 'лес', meśissä 'в лесах', šoma 'красивый', šomilla 'у красивых', küä 'деревня', külässä 'в деревнях'.

б) Присоединяясь к двусложным и трехсложным основам на а, ä: с последними -i образует дифтонг oi|oi: paikka 'платок', paikoissa 'в платках', kavalä 'лапа', kavaläista 'из лап'; у двусложных имен типа kiwua конечный дифтонг ua отпадает и заменяется другим (ai): šuарua 'сапог', šuарuаissa 'в сапогах', kiwua 'печь', kiwuailla 'на печах'; в двусложных именах с основой на ie также происходит замена дифтонга: kabiä 'копыто', kabiäida 'копыт', pehmeä 'мягкий', pehmeäida 'мягких'.

в) При присоединении -i в трехсложных именах с основой на е происходит отпадение е: šammal 'мох', šammale-, šammalilla 'мхами', kirves 'топор', kirvehe-, kirvenillä 'топорами'.

В говорах наблюдаются случаи особого употребления форм множественного числа на -i при единичности называемых предметов и явлений:

а) В первую очередь сюда относится обширная группа имен с неполной парадигмой, имеющих в ряде случаев

соответствия в других прибалтийско-финских языках: *TB olla naizissa* 'быть женатым'; *olla kavoksissa* 'быть потерянными' (букв. 'в потерях'); *olla kumlovilla* 'быть известными' и т.д.

б) Особую группу составляют имена, обозначающие игры и имеющие также неполную парадигму (по всеягонскому и зубцовскому говорам): *B kizata g'aliziin* 'играть в прятки'; *kizata kaziziin* 'играть в кошки-мышки'; *3 kizat reittoiin* 'играть в прятки'; *kizata^a sokkoiziin* 'играть в шурки' и т.д.

в) Имена, обозначающие предметы одежды и обуви, независимо от того, являются ли эти предметы парными или непарными, при указании на то, во что одет человек, употребляются только в форме множественного числа: *T arogah lähet ajamin tulupoissa* 'в дорогу отправиться в тулупе' (букв. 'в тулупах'); *istuw perhissa saarkoissa* 'сидит в избе в шапке' (букв. 'в шапках'); *3 leikkima lähet räsöivissä* 'зять идешь в рубашке' (букв. 'в рубашках') и т.п.

г) Обычно в форме множественного числа выступают имена существительные, обозначающие занятия, следующего типа: *T annettih minn painenih* 'отдали меня в пастухи'; *3 sūtraisat lähtei nänkih* 'девочки пошли в няньки'.

Показатель множественного числа *-loi|-lasi*. По мнению Д.В.Бубриха, а также А.А.Белякова, первичный отыменный суффикс *-i*, означавший место или собирательное целое типа *Kalevala* 'страна Калевы' или 'род Калевы', впоследствии использовался для обозначения места в новообразованиях типа *ruokala* 'столовая' ('место еды'). Данный суффикс в комбинации с *i*-овым стал оформителем множественного числа *-loi|-lasi* в карельском языке. И.Раппа и Л.Хакудинен считают, что *-lo* первоначально был деминутивным суффиксом. Наиболее убедительна точка зрения А.Адвре, утверждающего,

что формы на *-loi|-lõi* стали употребляться у слов на *-oi|-õi, -lo,* имеющих уменьшительно-ласкательное значение.

Общепризнано, что рассматриваемый суффикс формировался после распада прибалтийско-финского языка - основы в ареале карельского языка и выявляется также в языках, связанных с карельским. В однослженных основах карельского языка, оканчивающихся дифтонгом, *i*-овая основа множественного числа прибалтийско-финского праязыка сохраняется редко, чаще всего такие имена получают показатель более позднего происхождения, а именно, рассматриваемый нами суффикс *-loi|-lõi*. Например, *T vüb* 'пояс', *vüvlõida* 'поясов', *maa* 'земля', *maaloissa* 'в землях', *tai* 'вошь', *taiõilla* 'вшаи', *piä* 'голова', *piälõista* 'с голов', *voi* 'масло', *voiloida* 'масел', *puu* 'дерево', *puuloissa* 'в деревьях'.

По нашим наблюдениям, по образованию множественного числа двуслженные имена существительные зубцовского говора отличаются от подобных имен толмачевского и весьеговского говоров.

Соответствующие расхождения показывают определенные закономерности:

а) Если имена на *a, ä* в толмачевском и весьеговском говорах получают только показатель *-i*, то в зубцовском говоре может употребляться как показатель *-loi|-lõi* так и *-i*.

Например, *3 lepp^a* 'ольха', *leppilõiss* 'в ольхах', *T leppissä* 'в ольхах'; *3 rinda* 'ворот', *rindloi* 'воротов'; *T rindoida* 'воротов'; *3 messi* 'лес', *aiji messiõi* 'много лесов'; *T messiä* 'лесов'; *3 keza* 'лето', *kezilõill* 'летами', *T kezie* 'лет'; *3 huab^a* 'осина', *huabloi* 'осин', *T huaboida* 'осин'; *3 händ^a* 'хвост', *händlõi* 'хвостов', *T händõida* 'хвостов'. И наряду с этим: *3 huaboist* 'с осин', *messiss* 'в лесах', *keziist* 'из лет'.

б) Из двусложных имен на е во всех говорах часть принимает показатель -i, но большая часть этих имен имеет показатель -loi|-lži: T lumi 'снег', lumi-loissa 'в снегах', 3 lumloiss 'в снегах'; T kieli 'язык', kielišida 'языков', 3 kieliš'i 'языков'; tuli 'огонь', tuliloista 'из огней'; T tähti 'звезда', tähtišillä 'на звездах'. Отдельные расхождения все же имеет место; так в голмачевском и весьегонском говорах имена suoni 'жила', ruine 'кадка' принимают безразлично оба показателя: -i и -loi, по зубцовскому же говору предпочтение отдается показателю -loi: suaniloi 'жила', ruizloiss 'в кадках'.

Показатель -loi|-lži по калнинским говорам присоединяется ко всем двусложным основам на о, ѓ, и, ü: ТВ kando 'пень', kandoilla 'на пнях'; 3 kaiv^o 'колодец', kaiv^oloiss 'в колодцах'; tütt^o 'девушка', tütt^ošil 'девушкам'; Т koivu 'береза', koi-tiloissa 'в березах'; kabi 'шишка', kabišista 'из шишек'.

в) Двусложные основы на i во всех говорах имеют также показатель -loi|-lži: ТВ narti 'скирда', nartišissä 'в скирдах', kazi 'кошка', kaziloilla 'у кошек'; 3 varci 'мешок', varciš'iss 'в мешках'; слово kazi 'рука' может принимать во всех говорах как показатель -lži, так и -i, в зубцовском говоре предпочитается форма с -lži: kaziš'i 'рук'.

г) Двусложные имена suarua 'сапог', kiwua 'печь' в голмачевском говоре имеют показатель -i: suaruaista 'из сапог', suaruailla 'на сапогах', kiwuailla 'с печей', kiwuaih 'в печи'; в зубцовском же говоре suarui 'сапог', kiwui 'печь' получают показатель -loi: suaruiloi 'сапог' (partit.), kiwuiloiš 'из печей'. Наряду с данной формой можно встретить и следующую: suaruiloi 'сапог', kiwuiloiš 'в печах'. (Здесь имеет место совершенно ис-

ключительное употребление сочетания двух показателей множественного числа).

д) Двусложные имена на ia|iä в калининских говорах, как правило, получают оба показателя: keviä 'весна', keviällä и keviälbiällä 'веснами'; кроме того, по зубцовскому говору с показателем -loi могут выступать и имена на ie: late 'пол', lattie-, lattieloi 'полов', azia 'дело', azie-, aziloi 'дел', valgie 'белый', valgie-, valgiloi 'белых'.

Из трехсложных имен показатель -loi|-lbi присоединяется к именам на o, ö, u, ü, i: TB purdilo 'блюдо', purdiloloissa 'в блюдах', hämahikkö 'паук', hämahikköistä 'от пауков', sverezi 'поба', sverezilbissa 'в обках'.

Глава вторая. Категория лично-притяжательности.
Выражение лично-притяжательных отношений по отдельным финно-угорским языкам имеет свои особенности. Характерная для прибалтийско-финских языков лично-притяжательная суффиксация в наибольшей степени присуща финскому языку. По остальным прибалтийско-финским языкам лично-притяжательные суффиксы представлены значительно беднее, особенно при указании на множественное число обладателей. Выражение отношений принадлежности и притяжания в прибалтийско-финских языках исследовалось Ю.Марком, в ижорском — П.Аристе и А.Лаанестом, в водском — П.Аристе. Основная сфера применения лично-притяжательной суффиксации — язык фольклорных прозаических произведений; в настоящее время морфологический способ передачи указанных отношений все более заменяется синтаксическим.

В карельском языке, как вообще в современных прибалтийско-финских языках, лично-притяжательные суффиксы не различаются по указанию на число обладаемых. В говорах калининских карел они представлены следующим образом:

	единственное число	множественное число
1 л. -	-n, -ni, -(ze)ni	-
2 л. -	-š	-š
3 л. -	-h	-h

Указанные лично-притяжательные суффиксы в принципе и конечном счете восходят к личным местоимениям. Они присоединяются прежде всего к именам существительным и выступают в своей основной функции - притяжательной.

В калининских говорах лично-притяжательные суффиксы чаще всего употребляются:

1) при терминах родства: *muatkoh* 'её свекровь', *velles* 'твой брат', *sikkoh* 'его (её) сестра' и т.д. Суффикс I лица при терминах родства выступает исключительно только в форме вокатива (то есть, применяясь при обращении) и имеет две функции: указывает на принадлежность и выражает оттенок уменьшительности-ласкательности: *poigan* 'сын мой', *tuattozeni* 'бабушка мой' и т.д.;

2) при именах в значении русского местоимения 'свой': *nowzi i ottahuo postelih laksi* 'он поднялся и, взяв свою (его) постель, пошел'; *T ammuin go laksiit koistas?* 'давно ли ты из своего (твоего) дома?' и т.д.;

3) при именах существительных, обозначающих части тела: *T omastas riastas sanoit taman?* 'по своей догадке (букв. 'из твоей головы') сказал это?' и т.д.

В связи с употреблением лично-притяжательной суффиксации выявляются случаи плеоназма партитивных окончаний: *hian ei muissa dieudoah* 'он не помнит своего деда' и т.д. Двойное партитивное окончание наблюдается и у местоименного слова *oma* 'свой', оформленного лично-притяжательными суффиксами: *omuadah herpehta nevois ei zih* 'своего горшка небось не ест' и т.д.

Имена существительные, употребляясь в форме комитатива I, всегда оформляются лично-притяжательным суффиксом -h, так как в этом случае они, обозначая нахождение лица или предмета с кем-либо, с чем-либо, семантически близки к указанию на принадлежность: regehineh 'со своей семьей', roigineh 'со своим сыном' ('сыновьями'), jalgoineh 'со своими ногами' и т.д.

Далее в данной главе автор рассматривает применение лично-притяжательных суффиксов:

а) с личными местоимениями 2-го и 3-го лица в форме единственного и множественного числа. Функцией лично-притяжательных суффиксов в этом случае является усиление и подчеркивание лица. Различия в оформлении единственного и множественного числа не наблюдается: 2-ое лицо единственного числа: siwstaš zanpa at sua 'от тебя слова не дождешься'; 2-ое лицо множественного числа: ka mie i šanelen teilās 'вот я и рассказываю вам'; 3-ее лицо единственного числа: hanelāh oī kuldane kolcane 'у ней было золотое колечко'; 3-е лицо множественного числа: kado heilāh kazine 'пропал у них котенок';

б) с возвратным местоимением ice 'сам' для указания на 2-ое и 3-е лицо единственного и множественного числа: iceš 'ты сам', 'вы сами'; iceh 'он сам', 'они сами';

в) с местоименным словом oma 'свой', 'своя', 'свое' для подчеркивания принадлежности 2-ому или 3-ему лицу: omallah emallah 'со своим братом', omallah emallah 'своей матери' и т.д.

Лично-притяжательное оформление имени существительные и местоимения сохраняют и в случае их употребления с послелогами и в послеложных падежах.

В заключение главы рассматривается применение лично-притяжательной суффиксации при наречиях (где

они не имеют притяжательного значения) и выражение притяжательных отношений без применения лично-притяжательных суффиксов. Обозначения притяжательно-принадлежностных отношений синтаксическим способом, при котором основную функцию выполняют личные местоимения в генитивной форме, выступавшие как притяжательные, типично для калининских говоров; лично-притяжательная же суффиксация применяется все более ограничено, наиболее скудно она представлена в зубцовском говоре.

Глава третья. Категория падежа. В главе рассматривается падежная система калининских говоров и оформители падежей, исследуются падежи более позднего, вторичного образования — послеложные, а также формы, близкие к падежам, — падежеобразные.

В начале главы автор освещает теоретические вопросы, связанные с толкованием категории падежа; расхождения по составу падежных систем, установленных разными авторами (А.Генетцом, Э.Ахтия, А.А.Беляковым, Г.Н.Макаровым, П.Пальмеос) в карельском языке, объясняются расхождениями в диалектах и говорах карельского языка, исследованных авторами. Немаловажную роль при определении количества падежей играл подход авторов к определению сущности падежей и, прежде всего, к вопросу о разграничении падежей от наречий и послеложных конструкций.

Н о м и н а т и в в в карельском языке не имеет какого-либо морфологического оформителя, поэтому его называют падежом с нулевым окончанием.

Г е н и т и в единственного числа имеет окончание -п. Формы единственного числа генитива для всех прибалтийско-финских языков являются близкими, формы же множественного числа более разнообразны. В калининских говорах используется генитив со слабой степенью чередования согласных, в переводах евангелия от Матфея и евангелия от Марка формы генитива множественно-

го числа употребляются исключительно с окончанием -ien. Названная форма в современных говорах встречается редко.

П а р т и т и в в исследуемых говорах отличается особым разнообразием окончаний. В толмачевском и весьегонском говорах окончания партитива в зависимости от основы имени следующие: -ua, -uo|-üö, -ia, -da|-dä, -ta|-tä; по зубцовскому говору в соответствии с его фонетическими закономерностями выступают следующие окончания и их варианты: -ua (-u, -ü), -ia, (-i), -ia|-iä: koreikkua 'копейки', vastu 'веника', manlū 'сока' (березового), leibia 'хлеба', rüvini 'рябину', olgia 'солонь', vägia 'силы'. В форме множественного числа по толмачевскому и весьегонскому говорам партитивными окончаниями являются: -da|-dä, -e; для зубцовского говора в подавляющем большинстве случаев характерно отсутствие окончаний. В отличие от толмачевского говора, где употребление прямого дополнения в партитиве связано с формой единственного числа, в зубцовском говоре в аналогичном случае применяется форма множественного числа имени; в этом же говоре имена существительные в партитиве в сочетании со словами ajiä 'много', väni 'мало', moni 'несколько' и т.д. имеют совершенно особое употребление в форме множественного числа: aija tüttäivi 'много девушек', moni vuaziloi 'несколько лет'.

Э с с и в оформлен окончаниями -na|-nä (толмачевский и весьегонский говоры), -n (зубцовский говор): T kantena üöna 'двумя ночами'; 3 tüttön 'девушкой'. Апокопа конечной гласной в зубцовском говоре является одним из проявлений общей фонетической закономерности говора. Имена в эссеиве выступают в основном в форме единственного числа.

Т р а в с л а т и в имеет окончания: -kai в

единственном числе, -ksi во множественном: kiveksi
'в камень', kiviiöiksi 'в камни'.

В падежную систему карельского языка входит
а б е с с и в , окончаниями которого являются
-tta|-ttä: lapsetta 'без ребенка', vejetä 'без во-
ды'.

В карельских говорах употребляется два комита-
тивных падежа: древний комитатив на -nen, в работе
называемый к о м и т а т и в I, и сравнительно новый
комитатив последнего происхождения. Комитатив I, ге-
нетически сопоставимый с формой финского комитатива
на на (en), также оформляется лично-притяжательной
суффиксацией; он не приспособлен для выражения число-
вых различий: poigineh 'с сыновьями', perehineh
'с семьей'.

В падежную систему говоров автор вводит и н с т -
р у к т и в , хотя как самостоятельный падеж он приз-
нается далеко не всеми исследователями карельского
языка: некоторые считают его наречным образованием,
часть же рассматривает его как падежеобразную форму.
Окончанием инструктива является -n, присоединяемое к
гласной основе имени вслед за показателем множествен-
ного числа -i, поскольку инструктив имеет, как прави-
ло, форму множественного числа (в единственном же он
сходен с генитивом): kaksiin käsiin 'двумя руками',
vakoin 'мерами'.

Местные падежи. В системе местных падежей в ре-
боте рассматриваются внутриместные и внешнеместные па-
дежи. В исследуемых говорах выделяются три внутримест-
ных падежа: и н е с с и в , э д а т и в и и л д а -
т и в . Инессив и эдатив по образованию мало отличают-
ся от соответствующих падежей близкородственного фини-
ского языка. Инессив имеет следующие окончания: в фор-
ме единственного числа: -saa|-sää, -sää|-vää,
присоединяемые к слабой основе единственного числа;

в форме множественного числа характерно окончание -ssa|-ssä. Имена в элативе в единственном числе получают окончание -sta|-stä, -sta|-stä, в форме множественного числа -sta|-stä, -sta|-stä. В форме иллатива имена существительные имеют окончание -h как в единственном, так и во множественном числе: messäh 'в лес', messih 'в лес'. Иллативное окончание восходит к -hen, -sen.

Внешнеместные падежи в калининских говорах представлены лишь двумя падежами: адессивом и аблативом, поскольку иллатив по форме совпадает с адессивом. Для внешнеместных падежей специфичен суффикс -l; окончанием адессива является -lla|-llä, эблатива -lda|-ldä: katoksella 'на крыше', katokselda 'с крыши'.

Особый раздел в главе отведен рассмотрению последоженных падежей, вопрос о которых относится к наиболее спорным вопросам категории падежа. Проблему последоженных падежей на материале финно-угорских языков рассматривали К.Е.Майтинская, П.С.Кузнецов и др. Вопрос об образовании вторичных падежей последожного происхождения в прибалтийско-финских языках, в том числе и карельском, исследовался в работах Э.М.Дубровиной, М.М.Хямляйнена, Ф.Ойнаса; П.Пальмеос рассматривает последоженные падежи в валдайском говоре, а также у калининских карел в зубцовском говоре. Признаки перехода последологов в падежные окончания нами определяются на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, кроме того, в работе учитывается и лексический уровень: утрата последологами самостоятельного лексического, семантического значения. Существенным признаком является согласование определения с определяемым словом, т.е. повторение окончания и при определении: zäzilüsh brhälluo 'к этому парню' и т.д.

В системе вторичных падежей последожного образо-

вания по калининским говорам автором выделяются и рассматриваются следующие падежи: аппроксиматив, эгрессив и комитатив II. Окончаниями аппроксиматива являются -llu, -llua, -llü, -lluh, -llüa, образуемые слиянием генитивного форманта -n и послелого luo 'к', luoh 'к' путем ассимиляции -n с последующим l: pertillu 'к дому', lanmäilü 'к корове', kiriköllüa 'к церкви', pellolluh 'к полю'. Самое полное развитие аппроксиматив получил в зубцовском говоре, по толмачевскому и весьегонскому говорам его нельзя считать полноценным падежом. Лишь у зубцовских карел отмечены случаи сравнительно редкого употребления эгрессива, падежа со значением отделения от чего-либо или указания места рядом с чем-либо. По своим функциям этот падеж частично аналогичен аблативу; окончания эгрессива -ldu|-ldü, -ldua|-ldüa восходят к послелогу luoba 'от', подвергнутому значительной фонетической переработке: mešaldü 'от леса', kaivoldu 'от колодца'. Для передачи значения совместности, сопроводительности применяется комитатив II, т.е. комитативная форма последнего образования, окончаниями которой являются -kke, -kkeh, -kke, -kkeh, -kke, -kkeh, большинством авторов связываемые с послелогом keka 'с': teŋginkke 'с ведром', vellinkke 'с матерью', vellinkke 'с братом', naravoikke 'с граблями', tüttsibikkeh 'с девушками'.

В разделе главы, посвященном падежеобразным формам имени, автор выделяет и рассматривает пролативные и компаративные (аллативного происхождения) образования, лишь приближающиеся к падежам: названные формы не могут причисляться к ним, поскольку не имеют числовых различий, определения при них выступают исключительно редко. Примеры употребления пролатива: tanhuoŋsi 'двором', sillakkii 'мостом', 'через мост'; компа-

ратива: mesäileh 'быть похожим на лес, выглядеть лесом' (о кустарнике); tirane on kapalleh 'цыпленок похож на курочку'.

Глава четвертая. Категория степеней сравнения. В начале главы рассматриваются вопросы происхождения и развития оформителей сравнительной и превосходной степеней имен прилагательных.

В исследуемых говорах для выражения значения сравнительной степени используется морфологический показатель, имеющий общее генетическое происхождение для всех прибалтийско-финских и саамского языков. В номинативе, партитиве, иллативе и эссиве у имен прилагательных в сравнительной степени выступает суффикс -mb, в остальных падежах -mmb(-mmb-). Сравнительная степень от наречий в толмачевском и весьегонском говорах образуется с помощью суффикса -mmb(-mmb-); в зубцовском же говоре используется: 1. показатель -mmb-, (-mmb-) в сочетании с транслативным суффиксом -ka: alemmaksi 'ниже'; 2. показатель -mb: aivomb 'раньше'. Во втором случае в образовании сравнительной степени наблюдается определенное сходство с лодиковским диалектом карельского языка и с вепским языком.

В прибалтийско-финских языках, кроме финского и карельского языков, сравнительная степень употребляется в значении превосходной. Оформителем превосходной степени в этих языках является суффикс -in, в косвенных падежах имена прилагательные выступают с суффиксом -immb(-immb-). Для подчеркивания значения превосходной степени к именам в форме сравнительной или превосходной ступеней присоединяются слова: kaikkie, kaikkiein, vaimoi. Для зубцовского говора данный способ передачи значения превосходной степени является основным.

В главе обособленно рассматриваются образования, употребляемые в карельском языке вне всякого сравне-

ния. К ним относятся модеративы, этимологические фигуры, передающие высокую степень качества, образования, выражающие субъективную оценку степени качества. Автор считает, что экватив (так называемая тождественная степень) также не относится к степеням сравнения имен.

Диссертация завершается заключением, в котором обобщены различия и сходства калининских говоров по исследуемым категориям (см. стр. 2-4 данного реферата).

По теме диссертации и с использованием
ее материалов опубликовано
следующее:

1. К употреблению показателей множественного числа в калининских говорах карельского языка. Вопросы советского финно-угроведения. Языковедение (Тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению). Саранск, 1972, стр. 125-126.

2. К выражению сравнения в карельском языке. - Вопросы советского финно-угроведения. (Тезисы докладов и сообщений на XV Всесоюзной конференции по финно-угроведению). Петрозаводск, 1974, стр. 20-21.

3. Партитив в карельском языке. - СФУ 1976, № I, стр. 21-27.

4. К употреблению показателей множественного числа в калининских говорах карельского языка. - Вопросы советского финно-угроведения. Выпуск VI. Саранск, 1975, стр. 161-166.

5. Образцы карельской речи (зубцовский говор). - Прибалтийско-финское языковедение (Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с индоевропейскими языками). Выпуск J. I., 1971, стр. 128-135.

6. Группы слов в связи с их употреблением в форме множественного числа.- Прибалтийско-финское языкознание. Выпуск УІ. Д. (в печ.).

Принятые сокращения

В - весьегонский говор калининских карел.

З - зубцовский говор калининских карел.

Т - тодмачевский говор калининских карел.